
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА, ВОСПРИЯТИЯ И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Дун Сяо

(Нанкинский университет, Китай; dongxiaoels@163.com)

ОТНОШЕНИЕ К РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В КИТАЕ В ГОДЫ «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Аннотация: В годы «культурной революции» на долю русской и советской литературы в Китае выпали совершенно особые испытания. Она подверглась беспрецедентному осуждению со стороны тогдашней китайской литературной критики, включавшей и такую особенность, как «случайное попадание». При этом резкое осуждение русской и советской литературы в годы «культрева» заметно контрастировало с поклонением ей в период первых семнадцати лет КНР, однако за этим явлением проступает общий подход к литературе в оба этих периода. Кроме того, в этом обнаруживается и скрытая связь самой критики с ведущей советской литературой. Подобная критика русской и советской литературы в годы «культурной революции» обусловила последующее охлаждение отношения к русской и советской литературе в современном Китае.

Ключевые слова: русская и советская литература, культурная революция, случайное попадание, политический утилитаризм.

Dong Xiao

(Nanjing University, China; dongxiaoels@163.com)

UNDERSTANDING OF RUSSIAN AND SOVIET LITERATURE DURING THE “CULTURAL REVOLUTION” IN CHINA

Abstract: Russian and Soviet literature had a special experience in China during the “Cultural Revolution”. It was fiercely criticized by the Chinese critical circle at that time, and this criticism embodies the unique characteristics of “skewness and rightness”. At the same time, although there is a sharp contrast between the fierce criticism of Russian and Soviet literature during the “Cultural Revolution” period and the worship of it during the “seventeen years”, the criticism still reveals a similar literary concept with the “seventeen years” behind it, and also has some secret connection with the main-

---

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

stream literature of the Soviet Union. This criticism of Russian Soviet literature during the "Cultural Revolution" was inevitably related to the cold reception of Russian Soviet literature in contemporary China.

Keywords: Russian and Soviet literature, *Cultural Revolution*, Accidental hit, political utilitarianism.

Судьба русской и советской литературы в Китае в годы «культурной революции» крайне своеобразна. С одной стороны, будучи иноземной литературой, которая оказывала глубокое влияние на китайскую литературу, имела широкое распространение и пользовалась в Китае одобрением еще со времен «движения 4 мая» 1919 г., русская и советская литература тем не менее подверглась в ходе «культурной революции» беспрецедентной критике. Хотя в Китае времен «культрева» вся иностранная литература пережила злоключения, но такой острой критики не было адресовано литературе ни одной другой страны. Испытания, выпавшие в то время на долю русской и советской литературы, редко встречаются в истории литературных связей, а подобное третирование литературы одного государства в другой стране стало небывалым культурным явлением. С другой стороны, подобная почти безумная критика в отношении русской и советской литературы продемонстрировала аномально тесную родственную связь культуры Китая времен «культрева» с русской и особенно советской литературой. Ретроспективный взгляд на этот странный, но интересный период истории, исследование судьбы русской и советской литературы в Китае в период «культрева» одновременно позволяют изучить отношение к культуре в Китае того времени.

Всесторонняя критика русской и советской литературы в период «культрева» на самом деле началась намного раньше, еще во время кампании «борьбы с ревизионизмом» в начале 1960-х гг. В один момент прежние идолы литературной теории — В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов — превратились в мишени для китайской литературной критики. Дошло до того, что «в десятилетие смуты ни один из представителей западной эстетики не был так пригвожден к позорному столбу как Белинский, Чернышевский и Добролюбов» [1, с. 309]. Недавний образец для «красных писателей», М. А. Шолохов, стали считать самым реакционным ревизионистским писателем. Беспрецедентная критика в отношении русских и советских писателей имела причиной политические расхождения коммунистических партий СССР и КНР. Нападок избежали лишь титан революционной литературы А. М. Горький и главный редактор журнала «Октябрь» В. А. Кочетов, оказавшийся не в чести после XX съезда КПСС. И это вполне объяснимо: в тогдашнем Советском Союзе Кочетов стал критиком идей «оттепели», он не вписывался в основное русло советского общества того времени и, естественно, в этом его взгляды соответствовали основным идеологическим тенденциям Китая. Другими словами, романы Кочетова «из-за разоблачения в них распространенных в СССР ревизионистских настроений после XX съезда КПСС очень почитались в Китае» [2, с. 7]. Это позволяет понять, по-

чему Кочетов избежал критики в Китае. Опора литературной критики на политические разногласия предопределила выраженный политический утилитаризм предельного осуждения русской и советской литературы в Китае в годы «культрева». Однако привнесение политического утилитаризма в литературную критику не было изобретением периода «культурной революции»: подобная модель литературной критики существовала уже в первые семнадцать лет после основания КНР; в годы «культрева» эта модель лишь дошла до крайности: осуждение русской и советской литературы соединили с политическим осуждением Советского Союза, при этом второе было главной целью. Так, поскольку в политике КНР СССР рассматривался как основной враг, то советский ревизионизм стал объектом нападков во всех сферах политики и культуры Китая, включая и литературно-художественную критику; ради осуждения СССР можно было не останавливаться ни перед чем. Начало 1970-х гг. было временем обострения территориального спора СССР и Японии в отношении четырех островов. Однако если полистать ведущие китайские газеты того времени вроде «Жэньминь жибао» или «Цзефанцзюнь бао», то вы увидите там много заявлений, способных вогнать в ступор сегодняшних китайцев. Например, «решительно поддерживаем справедливые территориальные требования японского народа», «четыре северных острова — неотъемлемая часть Японии», «китайский народ стоит на стороне японского народа» и т. д. Подобная характерная позиция политического прагматизма присутствовала и во всей литературно-художественной критике Китая времен «культурной революции». Однако, будучи особым аномальным явлением культурной жизни, нападки на русскую и советскую литературу периода «культрева» все же демонстрировали весьма значительные отличия от восприятия русской и советской литературы в первые семнадцать лет КНР. Ведь в период «семнадцати лет» русскую и в особенности советскую литературу считали и называли образцом, хвалебные слова в ее адрес не умолкали. Именно поэтому столь специфично выглядит отношение к русской и советской литературе в годы «культрева». При этом самой заметной особенностью является интерпретация русской и советской классики по методу «случайного попадания».

Из советских писателей самой острой критике был подвергнут М. А. Шолохов, его роман «Тихий Дон» естественным образом стал в глазах китайцев самой «ядовитой травой». Так в один миг из образца для подражания, которым он был в первые семнадцать лет КНР, Шолохов превратился в самого реакционного писателя, и эта метаморфоза отразила огромные перемены в эпохе. В этом смысле перипетии Шолохова и его романа «Тихий Дон» в Китае времен «культрева» являются весьма типичными. Все это делает очевидной их ценность для понимания нами положения русской и советской литературы в Китае в тот период.

«Тихий Дон» относился к «красной классике», и потому еще в первые семнадцать лет КНР в его отношении были вынесены соответствующие твердые определения. Это великий эпос, отразивший преодоление казачеством Дона разнообразных трудностей под руководством партии большевиков, победу над темными вражескими силами, где народ кровью заплатил за выход на путь со-

циалистической коллективизации; это грандиозная эпопея, отразившая тяжелые испытания в ходе коллективизации в крестьянских районах Дона. Трагическая судьба главного героя Григория Мелехова воплотила такую непреложную истину: светлое будущее можно обрести, только если идешь по пути социализма, только если следуешь за партией большевиков, в ином случае человека поглотит бурный поток исторического прогресса. Подобное авторитетное толкование этого произведения можно назвать логичным и обоснованным. Подобный дискурс, конечно, не был изобретением китайской литературной критики: тон ему задавала «высочайшая» оценка советского старшего брата. Поскольку в ту эпоху при чтении и понимании литературы люди уже привыкли невольно подстраиваться под идеологические требования, то логические проекции заменили вникание в текст, навешивание политических ярлыков подменило подлинное эстетическое постижение текста. Таким образом стала возможной открытая идеологическая «переинтерпретация» без оглядки на подлинный литературный текст. Это породило весьма комичное явление: с одной стороны, простой читатель во время личного чтения мог в свое удовольствие путешествовать по художественному миру книги, мог наедине с собой упиваться страстной и волнительной любовной историей Григория и Аксиньи; с другой стороны, у читателя не возникало никаких психологических препятствий для того, чтобы принять официальную оценку, спущенную правительственной критикой. Именно так складывалось восприятие «Тихого Дона» как эталона соцреализма.

Однако с началом «борьбы с ревизионизмом» каноническое положение «Тихого Дона» пошатнулось из-за резких перемен в политической ситуации. Интерпретация с позиций нового витка политического утилитаризма полностью ниспровергла толкование, данное при прежней политике, «красная классика» в мгновение ока превратилась в «ядовитую траву». Осуществить такую перемену в оценке одного и того же произведения поистине нелегко, и тактику интерпретации неизбежно следовало изменить. Если прежде с позиций «модели восхваления» из-за тогдашних идеологических установок приходилось использовать макро-подход, позволявший читать, но не видеть текста произведения, то позже из-за новых идеологических требований «модель осуждения» обратилась к самому тексту и напряжало в нем искала мишени для критики.

С момента настоящего обращения к тексту толкователям пришлось иметь дело с реальными фактами произведения. По этой причине только тогда перо китайской критики обратилось к подлинному тексту «Тихого Дона». В осуждающих его статьях, которые публиковались с начала «борьбы с ревизионизмом» и в период «культурной революции», обнаружилось подлинное содержание «Тихого Дона», которому ранее не уделяли внимания: оказывается, Шолохов с огромным сочувствием изобразил жизненную трагедию главного героя Григория Мелехова, и в перипетиях трагической судьбы этого персонажа отражалась историческая трагедия всего народа. Свободолюбивый и исполненный огромной первобытной жизненной силы казак оказался подобен песчинке в водовороте исторических потрясений. Колесо коллективизации безжалостно раздавило

мечты казаков о вольной жизни. Простой и искренний Григорий ни в Красной армии, ни в белом лагере не мог найти гарантий для свободной жизни. Самый базовый принцип казацкой жизни превратился в недостижимую роскошь. Когда в конце Григорий, обнимая тело погибшей Аксиньи, идет к беспросветному будущему, то его там ждет лишь трагическое разрушение. Это разрушение было предопределено, так как казаки, у которых свобода была в крови, не могли примириться с тем, что ход истории оказался сильнее их заклинаний, а все колебания и блуждания Григория происходили не из-за того, что он не мог определить верное направление истории, а из-за того, что ни в одном из лагерей он не мог найти и тени свободы и добра. Гибель Аксиньи предельно ясно показывает всю жестокость коллективизации. Если точно изложить содержание романа, то его «политический статус», без сомнения, оказывается полностью ниспровергнутым, становится очевидной глубокая внутренняя ненависть Шолохова к Октябрьской социалистической революции и к движению за коллективизацию, а роман воспринимается как злобный поклеп писателя на революционную историю. С логической точки зрения критика «Тихого Дона», очевидно, оказалась куда более убедительной, чем прежние славословия в его адрес, потому что эта критика отличалась логической последовательностью, а не следовала интерпретации «семнадцати лет», игнорировавшей сам текст, бесстыдно называвшей черное белым и подменявшей понятия, невзирая на огромное расхождение между содержанием текста и его толкованием. Можно сказать, что критическая интерпретация «Тихого Дона» в годы «культрева» добилась единства выводов и логики. И именно в этом единстве воплотилась модель «случайного попадания» при прочтении. Понятие «случайное» означает крайнюю нелепость теоретических предпосылок, из которых исходили критики. Это полное отрицание гуманизма и человечности, основанное на высоко утопичной политической узколобости. На самом деле теоретические предпосылки такой критики как две капли воды похожи на литературную критику «семнадцати лет», лишь доведенную до крайности. Но политизированная утилитарная критика «советского ревизионизма», начавшаяся во время «борьбы с ревизионизмом», привела к тому, что китайские литературоведы считали своей главной политической задачей ниспровержение ведущего на тот момент советского писателя М. А. Шолохова. В тогдашнем специфическом историческом контексте подобная политическая цель помогла литературоведам изложить подлинное содержание произведения и сформировала критику по методу «случайного попадания». С позиций сегодняшнего дня видно, что подлинная ценность классического произведения смогла открыться только в ходе всесторонней критики во времена «культурной революции». Это поистине комичное культурное явление стало насмешкой над литературной критикой периода первых семнадцати лет КНР.

Критика по методу «случайного попадания» была весьма распространенным явлением в рамках всесторонней критики советской литературы в Китае в годы «культрева». Очень часто, однако, «случайное попадание» означало не случайное раскрытие подлинного содержания произведения, а обнажение абсурдности не-

которых произведений советской литературы. Это также уникальное и забавное явление культурной жизни Китая времен «культурной революции» (и еще двух-трех лет после ее завершения).

Публикация романа Ю. В. Бондарева «Берег» пришлась как раз на годы «культурной революции». Вскоре после окончания «культрева» роман перевели на китайский язык. Целью его издания в Китае было «знакомство с новыми тенденциями в литературе и искусстве советского ревизионизма», «точное разоблачение подлинного облика реакционных советских писателей». Другими словами, усилия по переводу этого романа служили целям критики, то есть «познанию врага» [3, с. 322].

Осуждение «Берега» в основном сконцентрировалось вокруг двух моментов. С одной стороны, это критика «человечности» и «гуманизма», превозносимых в романе. Подобная сущностная критика была естественным шагом для литературно-художественных кругов Китая времен «культрева», она была постоянным ценностным мериллом со времен «борьбы с ревизионизмом». И этот роман действительно давал достаточно оснований для критики. Будучи произведением новейшей советской литературы, роман Ю. В. Бондарева «Берег» типичным образом отразил общие эстетические особенности большинства советских литературных произведений того времени, особенно литературы о войне, а именно: размышления о жестокости войны, осмысление человечности, превознесение гуманистического мировоззрения. С позиций сегодняшнего дня можно сказать, что подобные черты выражали отмежевание от ведущей литературы сталинского периода, были шагом вперед в творческом методе. Очевидно, что подобный подход к литературе и искусству в СССР в то время намного опережал китайские взгляды на литературу в период «культурной революции». Именно поэтому совершенно естественна острая критика, с которой столкнулись такие советские писатели, как Бондарев, ведь со времен «культрева» критическая интерпретация, применяемая к таким романам, часто «представляла собой толкование, от которого не знаешь, плакать или смеяться» [4, с. 248]. Однако, с другой стороны, взгляд китайских литературоведов был «разящим», он был способен проникнуть под внешний лирический покров романа, пройти через слой гуманистической эмоциональности и разоблачить «великодержавный шовинистический уклон». В этом как раз и проявлялась наибольшая острота китайской литературной критики периода «культрева». Страстные слова немецкой девушки Эммы из романа «Берег»: «... пусть снова будет война, пусть снова стреляют, пусть меня насилуют, но только чтобы вернулся русский лейтенант...» — подверглись язвительным насмешкам китайской критики, а Бондарева разнесли в пух и прах за шовинистические настроения. Сегодня, оглядываясь на прошлое, можно увидеть, насколько своеобразной была критика этого романа в то время, когда только завершилась «культурная революция». Ведь впоследствии, когда после прихода «нового периода» мы стали заново познавать советскую литературу, то уже не занимались разоблачением и осуждением ее шовинистической позиции. Через много лет после завершения «культурной революции», когда мы вспоминали советские

произведения, отнесенные к «ядовитым сорнякам», и заново с гуманистических позиций воспринимали советскую литературу, то, хотя больше и не «ломали перед ней шапку», как в период «семнадцати лет», но в душе у нас по отношению к ней засело какое-то чувство вины, словно мы когда-то ее ранили. И потому, сознательно или нет, в большей или меньшей степени, но мы воспринимали ее с пиететом и с ненормальным рвением избавлялись от собственного мышления времен «культрева», заново открывали ценность гуманизма и теории человеческой природы, но при этом естественным образом игнорировали язвы великодержавного шовинизма, скрывающиеся в этих произведениях. В 1985 г., когда по китайскому телевидению показали советский фильм «Берег», то зрители, пораженные трогательной лиричностью и гуманистическими эмоциями, превозносили эту киноленту и не обращали никакого внимания на ее шовинистический пафос. Это весьма контрастировало со взглядами позднего «культрева».

И действительно, великодержавный шовинизм был повсеместным явлением в официальной советской литературе 60–70-х гг. прошлого века. Особенно ярко он проявлялся в так называемых интернационалистических произведениях послевоенных стран-спутников СССР (например, Польши, Восточной Германии, Чехословакии, Болгарии, Румынии и др.), посвященных советско-германской войне и рисующих образ Советской армии. После «культурной революции» мало кто из китайских литературных критиков обращал внимание на эту идейную особенность (по вышеописанным причинам), но в литературно-художественной критике периода «культрева» подобные идеи попадали под шквальный огонь, и именно в этом и заключалась особенность осуждения советского ревизионистского искусства в Китае во время «культурной революции». Речевые обороты в некоторых критических статьях были настолько точны и остры, что читателю сложно поверить, что они взяты из статей времен «культрева»: «В момент, когда ваши танки вошли в Прагу, а вашим оружием было жестоко подавлено стремление чехословацкого народа к свободе, какое право вы имели замаранными кровью руками поднимать знамена свободы и гуманизма?» (см. [5]) Острота подобных обличений не только передает особый пыл и дерзость китайской литературно-художественной критики во времена «культурной революции», но и точно бьет по уязвимым местам советских произведений. Однако, хотя в этих звонких и резких словах много дерзости и они, попадая в самую точку, срывают красивые гуманистические покровы с великодержавного шовинизма, но все равно это критика, действующая по методу «случайного попадания». Ведь за этой дерзостью со всей очевидностью проступают хаос и противоречия в нашей собственной логике. С одной стороны, в период «культурной революции» критика китайских литературоведов в адрес советской литературы в основном сконцентрировалась вокруг так называемых гуманизма и буржуазной теории о человеческой природе, а особенному бичеванию подвергалось гуманистическое мировоззрение, становившееся все более заметным в советской литературе со времен «оттепели». С другой же стороны, из-за крайнего политического утилитаризма достаточно было «ниспровергать и поливать помоями» советскую литературу

и искусство, чтобы не заботиться о последовательности собственной логики. Именно поэтому и могли появиться высказывания, сочувствующие движению «пражской весны» и полностью игнорирующие огромную ценностную пропасть между его лозунгами и призывами «культурной революции». В этом проявляется важнейшая особенность обличения китайскими критиками литературы и искусства советского ревизионизма.

Аналогичным образом, когда в начале 1970-х гг. в СССР постоянно получали высокую оценку и разнообразные государственные премии такие произведения, как повесть В. В. Липатова «Сказание о директоре Прончатове», пьеса И. М. Дворецкого «Человек со стороны», пьеса А. И. Гельмана «Протокол одного заседания», пьеса М. Ф. Шатрова «Погода на завтра» и др., китайские литературоведы также удостаивали эти «ревизионистские» тексты суровой критики. Говоря объективно, эти произведения, получившие одобрение советских властей на самом высоком уровне, по сравнению с магистральной литературой предшествующего сталинского периода действительно заметно изменились в художественном плане; по крайней мере, они были написаны не в той отвратительной манере, когда идеология изливалась напрямую, а старательно подчеркивали человечность. Нужно признать, что это представляло собой шаг вперед для литературы и было неразрывно связано с благотворным влиянием десяти лет «оттепели». Однако налет человечности прикрывал въевшуюся в плоть советскую пропаганду «научно-технической революции». Другими словами, за лиричностью и человечностью скрывался официальный дискурс. В этом отношении новые советские произведения мало чем отличались от ведущих произведений предшествующих периодов. То, что человечность стала мишенью для литературно-художественной критики Китая в годы «культрева» — это абсолютно естественно, а обвинение этих произведений в том, что «они пропитаны так называемыми человечностью и эмоциями буржуазного толка» разоблало факты о том, что их авторы «старательно подыгрывали лжи советских ревизионистских властей». В этом отношении все было сказано очень точно, но в новейший период, после окончания «культурной революции», китайские литературоведы никогда более не занимались такой критикой, а так называемая литература реформ, процветавшая в начале новейшего периода, даже некоторое время подражала этим советским произведениям. Острота взгляда китайских литературоведов в годы «культрева», несомненно, была связана с идеологическим противостоянием КНР и СССР; обличение политических лозунгов советских ревизионистских властей, естественно, было ключевой задачей литературно-художественной критики Китая в то время. Однако эта исходящая из политического утилитаризма критика метко разоблачала существенные недостатки советских произведений такого рода, что, нельзя не признать, привело к удивительному явлению «случайного попадания». При этом сама китайская литература времен «культрева» была куда более топорной по сравнению с советской литературой, начавшей положительно передавать гуманистические чувства.

Литературная критика по методу «случайного попадания» была нормой в критике советского ревизионизма в Китае в период «культурной революции».

При этом как «критика и очернение» подлинной художественной ценности произведений, так и разоблачение недостатков произведений были проявлениями политического утилитаризма, основанного на идеологии и задававшего направление для литературно-художественной критики в Китае в годы «культрева», а внутренняя противоречивость критики как раз отражала господство политического утилитаризма.

Хотя интерпретация русской и советской литературы в Китае в годы «культурной революции» осуществлялась по методу «случайного попадания» и несла на себе глубокую отметину эпохи, а мишенью критики была избрана именно та советская литература, которую безудержно восхваляли в Китае в период «семнадцати лет», но по сути своей руководящие идеи и принципы китайской литературно-художественной критики во время «культрева» не имеют существенных отличий от идей периода «семнадцати лет»; более того, они являются их продолжением и доведением до крайности.

Если говорить о причине преклонения перед русской и советской литературой в период «семнадцати лет», то она заключалась не в художественной ценности этой литературы, а в соображениях идеологического характера, ведь в то время уже заметно проявлялся политический прагматизм. Именно поэтому в период «семнадцати лет» мы вслед за СССР превозносили не заслуживающие того лжехудожественные произведения (например, роман П. А. Павленко «Счастье», роман В. Н. Ажаева «Далеко от Москвы» и подавляющее большинство других ведущих произведений сталинского периода) и бичевали малознакомые или даже вообще неведомые нам «ядовитые сорняки» (например, роман Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго»), не замечали многочисленные подлинные жемчужины советской литературы и умалчивали о них. Именно из-за идеологических потребностей мы выдвигали столь смехотворные суждения о «Тихом Доне» и толкования этого романа и, невзирая на его подлинное содержание, сознательно давали ему абсурдные интерпретации и насильно навешивали на него ярлык «образца социалистического реализма». Когда же наступила «культурная революция», мы точно так же, исключительно из политических целей критики литературы «гнилого советского ревизионизма», обратили внимание на подлинное содержание этих произведений. И хотя толкование произведений стало разительно отличаться, но по крайней мере в двух моментах обнаруживалось сходство: во-первых, это руководящие принципы политического утилитаризма, во-вторых, единство ценностных принципов. Презрение к человечности, отрицание гуманистических чувств были общими ценностными ориентирами китайского литературоведения и в период «семнадцати лет», и в «культурную революцию». Именно вследствие этой общей предпосылки китайская литературно-художественная критика под воздействием разных политических установок в два разных периода использовала противоположные подходы к литературному тексту: «читать, но не видеть» и «полный возврат к оригиналу».

Со времен «борьбы с ревизионизмом» и вплоть до конца «культурной революции» осуждение классиков русской и советской литературы и литературной

критики объяснялось тем, что еще в период «семнадцати лет» руководящие идеи стали основной ценностью, именно формирование таких идей стало ключевой причиной тотального одобрения советской литературы и литературной критики сталинской эпохи. В связи с этим и всесторонняя критика русской и советской литературы в годы «культрева» как раз сама скрыто унаследовала прежние ценностные установки советской литературы. Здесь возникает зазор по времени: советская литература, современная периоду «культрева», была написана после «оттепели»; в художественном, ценностном и других отношениях она уже заметно отличалась от прежней ведущей литературы СССР. Китайские же литературоведы того времени упорно цеплялись за старое, враждебно относились к новым тенденциям в советской литературе, что привело к тотальному отрицанию ее новейших произведений. Конечно же, необходимость в критике политики и идеологии часто приводила к тому, что осуждение новейшей советской литературы попадало в цель, но, как уже говорилось выше, подобный метод «случайного попадания» отличался хаосом в собственной логике. За боевитой и дерзкой критикой скрывались идеи, унаследованные от периода «семнадцати лет»; это были ценностные установки, взращенные под воздействием ведущей советской литературы сталинской эпохи, но из-за перемен в политической обстановке им не приходилось больше «играть в прятки» или «стыдливо утаиваться», как в период «семнадцати лет»: теперь у них были развязаны руки и они могли проявиться в крайней форме. От одобрения художественной ценности советской литературы, сопровождавшегося ее кастрацией, искажением и трансформацией, произошел переход к ее критике; под воздействием политического и идеологического осуждения возникло полное отрицание уже получившей дальнейшее развитие советской литературы, игнорировались новые положительные стороны советской литературы и культуры, этот процесс фактически отражает логическую эволюцию от периода «семнадцати лет» к «культурной революции». Подобное отношение к русской и советской литературе на самом деле подготовило почву для последующего безразличия к ней и забвения ее в литературных кругах Китая, потому что необъективные суждения, будь они славословием или бичеванием, бесполезны для подлинного понимания настоящей ценности русской и советской литературы. Другими словами, и в период «семнадцати лет», и во время «культурной революции», и когда русскую и советскую литературу в Китае превозносили до небес, и когда ее ниспровергали в ад, мы были далеки от познания ее подлинной красоты.

Литература

1. 智力. 俄国文学与中国. 上海: 华东师范大学出版社, 1991年. [Чжи Лян. Русская литература и Китай. Шанхай: Хуадун шифань дасюэ чубаньшэ, 1991.]
2. 论中苏文学发展进程/ 倪蕊琴主编. 上海: 华东师范大学出版社, 1991年. [О процессе развития китайской и советской литературы / под ред. Ни Жуйцинь. Шанхай: Хуадун шифань дасюэ чубаньшэ, 1991.]

3. 汪介之. 选择与失落. 南京: 江苏文艺出版社, 1995年. [Ван Цзечжи. Выбор и утрата. Нанкин: Цзянсу вэньи чубаньшэ, 1995.]
4. 陈建华. 20世纪中俄文学关系. 上海: 学林出版社, 1998年. [Чэнь Цзяньхуа. Китайско-российские литературные связи в XX веке. Шанхай: Сюэлинь чубаньшэ, 1998.]
5. 学习与批判. 1973年第2期. [Журнал «Сюэси юй пипань». 1973. № 2.]

References

1. Zhi Liang. *Russian Literature and China*. Shanghai, Huadong Shifan Daxue Chubanshe, 1991. (In Chinese)
2. *On the Development of Chinese and Soviet Literature* / ed. by Ni Ruiqin. Shanghai, Huadong Shifan Daxue Chubanshe, 1991. (In Chinese)
3. Wang Jiezhi. *Choice and Loss*. Nanjing, Jiangsu Wenyi Chubanshe, 1995. (In Chinese)
4. Chen Jianhua. *Comparison between Chinese Literature and Russian Literature of the 20th Century*. Shanghai, Xuelin Chubanshe, 1998.] (In Chinese)
5. Journal «*Xuexi yu Pipan*». 1973. No. 2. (In Chinese)

Перевод А. А. Родионова